

УДК 81'37
ББК 81.2–3

В.А. Лазарев

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ
СЕМАНТИКА
КАК ПОЗИЦИОННОЕ
УСЛОВИЕ ВЫБОРА
ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА
В ОБОБЩЁННО-
СОБИРАТЕЛЬНОМ
ЗНАЧЕНИИ**

Статья посвящена изучению взаимоотношенности лексического и грамматического значений, в частности речь идёт о категории числа. В центре внимания находятся группы существительных, употребляемых в обобщённо-собирательном значении.

Ключевые слова: лексическая семантика, категория числа, обобщённо-собирательное значение.

Лазарев Владимир Александрович — канд. филол. наук, доцент кафедры перевода и информатики Педагогического института Южного федерального университета
Тел.: 89289195291
E-mail: omorspu@yandex.ru

© В.А. Лазарев, 2009 г.

Многие исследователи отмечают, что возникновение когнитивизма — это в известной степени реакция на господствовавшие прежде трактовки грамматики как чисто формальной структуры, отделенной от семантики, когда происходил либо полный отказ от анализа значений, либо применялся анализ условий истинности употребления знака, что фактически приравнивало значение к набору свойств, присущих денотату. Когнитивисты отказались от этих взглядов: язык не порождающая система, а система символов, которую говорящие используют в актах порождения речи. И грамматика — это тоже система символов, имеющих свое значение. Значение — это не условие истинности, а концепт, в котором отражены не только объективные свойства описываемого знаком явления, но, прежде всего, субъективное видение носителей данного языка этого явления, способ его представления.

Взаимообусловленность лексического и грамматического значений подчеркивалась во многих исследованиях. Это особенно актуально для категории числа, которую, например, В.В. Виноградов называл лексико-грамматичекой, имея в виду предопределенность грамматических числовых форм особенностями лексической семантики существительных. Поэтому и причины (особенности, условия и т.д.) употребления форм единственного числа конкретных

существительных исследователи пытались связать с лексическими значениями существительных.

В коллективной монографии «Русский язык и советское общество» перечислены следующие группы существительных, употребляемых в обобщенно-собирательном значении: 1) названия лиц по профессии, общественной и политической деятельности; 2) существительные, обозначающие животных, птиц, рыб, злаки и произрастания, машины и другие предметы, связанные с практической деятельностью человека [Русский язык и советское общество, 1968, с. 166].

Таким образом, оказывается, что в общем виде названы все группы конкретной лексики, ибо что же еще могут обозначать конкретные существительные, кроме людей, животных и предметов, с которыми связан человек в своей практической деятельности? Ср. также у Н.Г. Озеровой [Озерова, 1987, с. 40] разряды существительных, формы единственного числа которых имеют «обобщенно-номинативное значение»: 1) названия лиц; 2) названия живых существ; 3) неодушевленные существительные (названия растений, плодов растений, названия мелких и крупных считаемых предметов, населенных пунктов). Н.Г. Озерова пишет, что таким образом «обобщенно-номинативное употребление словоформ единственного числа затрагивает всю сферу нарицательных одушевленных существительных, то есть семы "одушевленность" и "нарицательность" обуславливают возможность появления в грамматической форме единственного числа обобщенно-номинативного оттенка значения. В данном случае стоит говорить о взаимодействии морфологической категории числа с лексико-грамматическими разрядами нарицательных и одушевленных существительных. Обобщенно-собирательная сема, возникающая в форме единственного числа, несовместима с собственными именами существительными, которые обозначают единичный предмет. Для нарицательных одушевленных существительных обобщенно-собирательная семантика форм единственного числа становится практически регулярной. Спектр лексических сем, выраженных агентивными существительными, довольно широк: это названия лиц по принадлежности к учреждению, предприятию, стране, территории, городу, где они проживают или откуда они происходят, политической группировке, классу и т.п. Однако все они объединяются семой "лицо". Можно сказать, что наличие в семантической структуре существительного семы "лицо" обуславливает возможность употребления его словоформы единственного числа не только для выражения единичности, но и всеобщности» [Озерова, 1987, с. 40].

Наш материал тоже подтверждает самое широкое распространение форм в обобщенно-собирательном значении. Эти формы типичны для литературы XIX в.

*«По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убого чухонца».*

(А. Пушкин «Медный всадник»)

«И думал он:

*Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу».*

(А. Пушкин «Медный всадник»)

*«Ярем он барищны старинной
Оброком лёгким заменил
И раб судьбу благословил».*

(А. Пушкин «Евгений Онегин»)

*«...И гордый внук славян, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык».*

(А. Пушкин «Памятник»)

*«Не говорю уж о денежных затратах и о тех нравственных потерях,
которые несет зритель, когда видит на сцене неправильно трактуемое
убийство...».* (А. Чехов «Скучная история»)

*«Земский врач в большинстве своем — это неискренний семинарист, ви-
зантиец, который держит за пазухой камень».* (А. Чехов)

«Всякого зверя и в степях, и в лесах было невероятное количество».
(К. Аксаков «Семейная хроника»)

«Литератор — это народ всё млекопитающийся». (М. Салтыков-
Щедрин «Губернские очерки»)

*«Но что там хорошо, так это купец. Всем купцам купец. Уж коли уго-
стит тебя, так угостит».* (А. Чехов «Актерская гибель»)

*«Холерик. Желчен и лицом желто-сер... Большею частью холостяк, а
если женат, то запирает жену на замок».* (А. Чехов «Темпераменты»)

*«Тут была целая флотилия русских купцов из Гостиного двора. Вид их
и выражения лиц были здесь как-то тверже, вольнее и не означало той
приторной услужливости, которая так видна в русском купце, когда он у
себя в лавке перед покупщиком».* (Н. Гоголь «Мертвые души»)

*«Вдруг неожиданно глубокий овраг, поросший молодым дубом и оль-
хой...».* (А. Чехов «В родном углу»)

*«Во время оно в родовой усадьбе моей были куры, гуси, индейки — птица
глупая, нерассудительная, но весьма и весьма вкусная».* (А. Чехов «Добро-
детельный кабатчик»)

*«Благодаря тому, что лето было очень жаркое и сухое, ...появилась во мно-
жестве гусеница, которую работники и даже Егор Семенович и Таня, к велико-
му омерзению Коврина, давили прямо пальцами».* (А. Чехов «Черный монах»)

*«Чуден Днепр и при теплой летней ночи, когда всё засыпает — и чело-
век, и зверь, и птица».* (Н. Гоголь «Страшная месть»)

«Книг он, вообще сказать, не любил читать; а если заглядывал иногда в гадательную книгу, то это потому, что любил встречать там знакомое, читанное уже несколько раз. Так городской житель отправляется каждый день в клуб, не для того, чтобы услышать что-нибудь новое, но чтобы встретить тех приятелей, с которыми он уже с незапамятных времен привык болтать в клубе». (Н. Гоголь «Иван Федорович Шпонька и его тётушка»)

*«Татарские хижины льнули
К подножию скал; виноград выбегал
На кручу лозой отягченной,
И тополь листьями недвижно стоял
Зеленой и стройной колонной».*

(Н.А. Некрасов «Русские женщины»)

*«Враги мои решат его согласно,
Всех меряя на собственный аршин,
В чужой душе они читают ясно,
Но мой судья — читатель-гражданин».*

(Н.А. Некрасов «Уныние»)

*«В конце села Вахлачина
Где житель — пахарь исстари
И частью — смолокур,
Под старой-старой ивою...
Шел пир, великий пир!».*

(Н.А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо»)

«Шелковица, барбарис, французские бергамотовые деревья и даже маслина попадают на каждом шагу. Тут и полуразрушенные, поросшие мхом гроты, фонтаны, прудики, предназначенные для золотой рыбы и ручных карпов...». (А. Чехов «Драма на охоте»)

В современной литературе и СМИ активно употребляются в обобщенно-собирательном значении те же семантические группы существительных.

1. Антропонимы:

«Но зритель простил нам все его (фильма «Чистое небо») огрехи за то, что мы говорили с ним серьёзно и честно не о пустяках, а об очень важных для него вопросах. Зритель полюбил этот фильм и был благодарен нам за него. Я храню сотни взволнованных писем». (Г. Чухрай «Моё кино»)

Интересно, что единственное число анафорических местоимений и предикатов не разрушает значение обобщенно-собирательной множественности.

«В связи с этим всемирно-историческим событием, думаю, российскому читателю и зрителю небезынтересно узнать, как встретили картину американские зрители. Кинокритики разнесли картину в пух и прах. Зритель валит на нее как на казнь Тимоти Маквея». (Известия, 4 июля 2001 г.)

Последний пример заставляет задуматься о том, что все-таки не все наименования лиц могут быть употреблены в обобщенно-собирательном единственном числе. Представим, что в этом отрывке вместо «критики» будет «критик». Разве сохранится значение множественности? *Ср. также:*

«В общем, конкурсные фильмы, за редким исключением... широкого зрителя не привлекут». (Комсомольская правда, 26 июня 2001 г.)

«Если мы не простаки, не побирюшки и не слепцы, то четко и решительно скажем своё нет толстосумам, лгунам, перевертышам и наглым циникам, пытающимся купить голос избирателя за грош, похлёбку или калоши». (Советская Россия, 6 ноября 2001 г.)

«Майское интервью министра сельского хозяйства А.В. Гордеева "Мелкий собственник страну не накормит" в газете "Аргументы и факты" получило резкую отповедь...». (Крестьянин, 2001, № 26)

«Вечером и всю ночь, и пять дней кряду сжавшийся в комнатах своих обыватель слушал пальбу орудий и туканье пулеметов». (М. Осоргин «Сивцев вражек»)

«Г. Хазанов: — Об уходе со сцены я не говорил. Просто почувствовал: зачастую зритель не получает от артиста Хазанова того, чего ждет... На самом деле на каждый спектакль приходит разный зритель». (Аргументы и факты, 2001)

«Обыватель — многосортен.

На любые вкусы есть.

Даже можно выдать орден —

Всем сумевшим перечесть.

Многолики эти люди».

(В. Маяковский «Плюшкин»)

*«Учись отражать атаки газовые,
смерти в минуту маску показывая.*

Буржуй угрожает. Кто уймет его?

Умей управляться с лентой пулеметовой».

(В. Маяковский «Лозунги-рифмы»)

«...подлинный противник Солженицына, доподлинно ответственный за катастрофу 1917 года, — не столько большевик, сколько русский либерал... либерал, произносящий прочувствованные речи о родине и одновременно действующий против нее, как настоящий диверсант...». (Дружба народов, 1990)

«Но вот наступили иные времена, и повалил в часть мужик, пусть и неполноценный, пусть увечный, а все же мужик, и военные девки... воспарили духом...». (В. Астафьев «Обертон»)

«Старовер и всякий другой таежный промысловик идет на Сым, как домой, хозяином идет, никакой пакости и разбоя он в тайге не учинит». (В. Астафьев «Царь-рыба»)

«Нас заставляют участвовать в борьбе за госзаказ на специалистов, за бюджетный набор, предъявляют жесточайшие требования по выполнению аттестационных и аккредитационных показателей, идет борьба за абитуриента». (Академия, 10 ноября 2001 г.)

«Ну как тут не прийти в отчаянье, как не писать о мужике, как не спасти его, как от отчаянья не записать! Социал-демократ — пишет и пьёт, и пьёт, как пишет. А мужик — не читает и пьёт, пьёт не читая». (В. Ерофеев «Москва–Петушки»)

«Если бы вы знали, как достаются охотнику пышные, роскошные меха». (В. Астафьев «Медвежья кровь»)

«За последние годы отношение к частнику меняется. Как собственник земли, средств производства, он все больше утверждается в экономике. Частник более подвижен, находчив в налаживании хозяйственных связей». (Крестьянин, 2001, № 26)

«Недавно я едва успел выпрыгнуть из-под "Форда", водитель которого гудком требовал от меня освободить ему проезд в то время, когда я переходил улицу по пешеходному переходу без светофора. Выживет ли ростовский пешеход в таких условиях?». (Аргументы и факты на Дону, 2001, № 7)

«В минувшую пятницу (10.11) по НТВ состоялось очередное промывание мозгов российскому обывателю под видом показа так называемого ток-шоу "Свобода слова"...». (Советская Россия, 17 ноября 2001 г.)

Антропонимы в обобщенно-собирательном значении используются в названиях газетных и журнальных рубрик типа «В помощь садоводу и огороднику», в названиях книг «Азбука садовода», «В помощь огороднику», в названиях профессиональных праздников: «8 мая — День пограничника». (Советская Россия, 26 мая 2001 г.)

Ср.: *«Ивану фильм не понравился, и он вышел на кухню и стал читать газету "Труд", которую выписывал ежегодно. И надо же на четвертой странице: Советы молодому садоводу».* (М. Чванов «Во саду ли, в огороде...»)

Важно подчеркнуть, что в обобщенно-собирательном значении антропонимов используются, прежде всего, имена мужского рода. Смысл обобщенной собирательности — в представлении множества как некоего единства, именно поэтому предпочтителен немаркированный член родовой оппозиции. Исключение составляют субстантивы, в семантике которых сема феминности является основной — женщина, хозяйка и под.

Ср.: *«Вот даже школы наши взять. Всё было отдано женщине, весь весь образования она везла».* (Аргументы и факты, 2001, № 47)

«Общественное положение демоническая женщина может занимать самое разнообразное, но большей частью она — актриса». (Тэффи «Демоническая женщина»)

«Нынче женщину никто в обиду не дает. Не такое время. Вот не угодно ли: подала одна гражданка заявление...». (М. Зощенко «В порядке боевого приказа»)

2. Фаунонимы (Зоономы)

«Кошки приели всякую птаху, подвластную им, извели кур в деревушке; на что уж хитра и грамотна ворона, шустра сорока, случилось, и те на зуб попадались». (В. Астафьев «Пионер — всем пример»)

«Мужики... солидно толковали о молотье, о промысле белки, о санной дороге...». (В. Астафьев «Осенние грусти и радости»)

«В край, где петляет соболь юркий

И чуткий прячется песеи,

Гони, опальный камер-юнкер!»

(З. Вальшонок «Урок русского»)

«За деревней... густо вёлся рябчик... Дроздов решил дожидаться предвечерья, когда рябчик охотней пойдет... Врагов у него в природе много, защита ж одна — окраска и осторожность». (В. Астафьев «Пионер — всем пример»)

«Русского петуха тут, уверяю вас нет. Ни гребня, ни голоса, ни характеру. Это что же такое! А пчела? Укажи мне тут настоящую пчелу. Здешняя и ужалить-то не умеет». (П. Павленко «Идут дожди»)

«Краб не уплыл за кордон» — заголовок статьи (Труд, 4 июля 2001 г.). Речь в статье идет о том, что дальневосточные пограничники доставили в сахалинский порт судно, на котором обнаружены морепродукты, предназначенные для контрабандного вывоза в Японию.

Ср. также: *«На борту "Огарёво" было обнаружено около полутора тонн краба и тонна минтая и сельди»* (там же). Здесь слова *краб*, *сельдь*, *минтай* приближаются к наименованиям с вещественным значением и единственное число тем более закономерно.

«Да и конь ныне редок, всех со свету поживали: дескать, даром корм ест. Перешли на трактора». (Е. Носов «Тёпа»)

«В Каспийском море произошла очередная необъяснимая катастрофа — массовая гибель анчоусовидной кильки... Другая версия происшедшего — появление на Каспии медузы-гребневика. Говорят, этого морского обитателя каким-то образом завезли сюда из Чёрного моря, и теперь он активно поедает планктон, который является основным кормом для кильки». (Трибуна, 4 июля 2001 г.)

«Мужики промышляли в тайге, брали в Лене рыбу — этим и жили». (В. Распутин «В ту же землю»)

«Можно, конечно, выбрать местечко, два дня прикармливать, но сейчас рыбаков развелось как грязи. Твою прикармлившую рыбу раньше тебя выловят». («Приватизированный карась и озеро в придачу»)

«Курорт здесь не откроешь: зимой студёно, летом комар». (В. Астафьев «Пионер — всем пример»).

«Налима здесь пропасть, у острова-то — заверил Санька». (В. Астафьев «Ночь темная-темная»)

Интересно, что А.И. Солженицын включил в свой Словарь выражение «*белка зажила*» — то есть «*показалась во множестве*».

«*Песец нынче хитрый пошел*». (Б. Горбачев «Большая вода»)

«*...рыба почти подчистую в реке вывелась... Занятней всего было то, что первым исчез из родных вод рак, самая вроде неприхотливая всепожирающая тварь, затем гальян и пескарь, затем хариус, елец и карликовая нельмушка, дивная рыбка, просочившаяся сюда с севера...*». (В. Астафьев «Пионер — всем пример»).

Любопытно, что в обобщенно-собирательном значении частотно (точнее — единственно возможно) единственное число — «рыба», а для выражения идеи класса чаще используется множественное число — «рыбы». Ср.: *В реке водится рыба*, но: *Рыбы дышат жабрами*. И в БАС при этом слове имеется помета: «для обозначения класса употребляется в форме множественного числа».

«*Этот случай я много раз вспоминал, наблюдая животных в стрессовых ситуациях. Нервная конституция у них разная. Лису, например, ничем не проймешь... А вот с виду могучие лоси при большом стрессе гибнут почти всегда*». (Комсомольская правда, 23 ноября 2001 г.)

Ср. также: «*Есть зоопарки, пруды, заказники, заповедники, где птица, зверушка и всякая живность существуют для того, чтобы на них смотрели, изучали, а то ведь от таких орлов, как они, детям голая земля достанется, пояснял я*». (В. Астафьев «Царь-рыба»)

Е. Наздратенко: «*Наш камчатский краб взял да и ушел в Норвегию. Скоро в Ла-Манш весь уйдет. Краба можно понять: лучше стать консервами в Ла-Манше, чем прозябать в Приморье*». (Аргументы и факты, 2001 № 43)

Интересно, что в переносном значении (при метафорическом обозначении людей) названия животных никогда не используются в обобщенно-собирательном значении. При том, что анимализация человека, особенно в разговорной лексике, — магистральный путь в развитии семантики, в этом числовом значении зоонимы не употребляются. Дело, очевидно, в том, что переносные значения такого типа (лиса, свинья, осёл как обозначения человека) — синтаксически обусловленные, реализуются чаще всего в функции предиката. А эта синтаксическая роль не свойственна именам в единственном числе с обобщенно-собирательным значением.

3. Натурфакты и артефакты:

«*Сын у Эды Леопольдовны рос вольно, и жилось ему часто голодно, поэтому он рано выучился местному промыслу: сперва обыгрывать парнишек в чикку себе на прокорм, потом утильсырье собирать, потом из рогатки кедровок стрелять, потом орех бить, потом белковать, потом привороживать*». (В. Астафьев «Веньку судят»)

«*Матушка моя с отроками ушли в лес по первую землянику, скоро будут, еще березы вязанку на веники принесут, может, и гриба где первого същут*». (В. Астафьев «Пионер — всем пример»)

Может показаться, что употребление в обобщенно-собирательном значении слова «гриб» ненормативно (это пример из прямой речи персонажа, здесь проявляется такая диалектная черта, как использование неодушевленного имени в форме одушевленного), однако ср. такое наблюдение: А.В. Исаченко [Исаченко, 1961, с. 40] приводит единственное число «гриб» как пример того, что форма, не содержащая в своей инвариантной семантике никакого эксплицитного указания на расчлененность или нерасчлененность денотата, свободно может употребляться для обозначения предметов, объективно «расчлененных»: поймать *птицу* — кормить (домашнюю) *птицу*, поймать *рыбу* — ловить *рыбу*, найти *гриб* — солить *гриб*.

Ср. также: «*Клубень жив*» (Аргументы и факты, 2001 № 35) — речь идет о том, что картофелеводы сохранили урожай.

«*Попутно вам сообщаю, что я и от гонорара-то отказалась, взяв только книгу, которую и рассылаю по библиотекам и друзьям, да распространяю на своих авторских вечерах*». (Советская Россия, 22 ноября 2001 г.)

«*Здесь в изобилии растут дуб, бук, граб, ясень*». (И. Соколов-Микитов «Ленкорань»)

«*Хлеб убран, овощи при месте, ботва свалена в кучи, семя намято, путаные плети гороха и сизые кусты бобов с черными, ровно обуглившимися стручками брошены возле крыльца — для обтирки ног*». (В. Астафьев «Осенние грусти и радости»)

«*На улице пахло палым листом*». (К. Паустовский «Несколько отрывочных мыслей»).

«*Рогатка применяется на улице. Ставят ее весною на шумной магистрали якобы для ограждения производящегося ремонта тротуара. Лето проходит. Вянет лист. А рогатка все стоит. Ремонт не сделан*». (И. Ильф и Е. Петров «Двенадцать стульев»)

«*Цвет стал осыпаться мохнатыми черными султанчиками, запестрела завязь, начал расти лист*». (К. Федин «Сад»).

«*Ах, товарищи, далеко нам еще до настоящей культуры. Долго нам еще ждать культурного отношения к книге*». (М. Зощенко «В порядке боевого приказа»)

«*Иван Петрович тупо смотрел на кучу: широко разбросанные валенки, словно второпях поскидывали их те, кто прибежал на пожар, школьные портфели и связанная тюками школьная форма...*». (В. Распутин «Пожар»).

«*Игрок менял столы, старался обмануть судьбу и найти везучее место. Но карта упрямо не шла*». (И. Ильф и Е. Петров «Золотой теленок»)

Определяет ли принадлежность существительного к названным трём семантическим (тематическим) группам возможность использования их

в форме единственного числа в обобщенно-собирательном значении? Очевидно нет, поскольку часто близкие в семантическом отношении существительные вполне могут иметь различное числовое поведение: В магазин привезли *огурцы, помидоры*, но — *редиску, свёклу*, или: на рынке торгуют *гвоздикой*, на рынке торгуют *розами*. На подобную неоднотипность обратила внимание А.К. Поливанова. Считается, что только дефектные существительные *singularia* и *pluralia tantum* лежат вне основной логики числовой категории, которая сводится к естественно-семантическому противопоставлению единичности-множественности. В действительности же естественно — семантический принцип распределения определяет выбор грамматического числа не более чем в 50 % употреблений. Вывод А.К. Поливановой состоит в том, что поскольку числовое поведение неотжественно даже у близких по лексическому значению слов, информация об отношении таких слов к категории числа должна содержаться в толковых словарях (аналогично тому, как помечаются *singularia* и *pluralia tantum*). Заметим, однако, что от помет при *singularia tantum* словари (после СУ) отказались: их нет в БАС, МАС, СО, СОШ, ибо большинством авторов принимается идея о потенциальности множественного числа у всех вообще сингулярных имен. Еще сложнее представить себе адекватные числовые пометы у коррелятивных по числу существительных.

Дело осложняется тем, что, помимо стандартных употреблений, есть интенциональные. В стандартном случае будет: В магазин привезли *огурцы, помидоры*, но ср.: у Ю. Черниченко: «*Плётка идет не только как кровельный материал, но и на упаковку: собирают огурец в прозрачные пакеты, чтобы сберечь пупырышки и засохший цветок на носике. Да, товар должен быть на подходе к настоящему началу сезона, иначе потом огурец пойдет по рублю кило... Не потому ли огурца нет, что колхозы заняты кабелем и полиэтиленом?*» («Отпуск с Будвитисом»); «*Что толку от помидора, если он сгнил на грядках?*» («Умение вести дом»).

Подобные языковые факты привлекли внимание А. Вежицкой [Вежицкая, 1997, с. 17–20]. Главная ее идея состоит в том, что сочетаемость, как морфологическая, так и синтаксическая, может быть предсказана, исходя из семантики слов. Предлагается семантическое обоснование выбора форм числа существительных — названий овощей. А. Вежицкая выделяет два диагностических контекста (где проявляются различия у существительных, относящихся к одной тематической группе): контекст родового употребления (Я люблю морковь — Я люблю огурцы) и контекст счета (Возьми две свёклы, но нельзя: Возьми две капусты). Обнаруживается, что выбор числа существительного связан с двумя признаками овощей: 1) с размером; 2) с обычным для данного языкового коллектива способом употребления его в пищу. По первому признаку овощи среднего размера (свёкла, морковь) противопоставляются крупным (капуста) или мелким (горох, фасоль). По второму признаку — овощи, которые в

России могут употребляться в пищу целиком в сыром виде (огурец, помидор) противопоставлены таким, которые употребляются в вареном или измельченном виде. И получается, что слова, обозначающие овощи среднего размера и употребляемые целиком, допускают счетные употребления, а в родовом значении опираются на форму множественного числа. Названия же овощей крупного или мелкого размера, которые употребляются в пищу в вареном или измельченном виде, не допускают счетного употребления, а в родовом значении (а значит — и в обобщенно-собирательном) опираются на форму единственного числа.

Подмеченная закономерность не имеет, однако, абсолютного характера. Например, слово «баклажан» в значении класса (родовом) или в обобщенно-собирательном значении требует только множественного числа: «Я люблю баклажаны», «В магазин привезли баклажаны»: между тем баклажаны не употребляются в сыром виде. Однако ясно и то, что семантически мотивированные правила, хотя бы и с исключениями, неизмеримо лучше простых лексических списков, которые предлагаются во многих работах. А, кроме того, «семантический подход к сочетаемости позволяет приблизиться к ответу на вопрос, каким образом человек — носитель языка, способен держать в памяти ту неслыханно огромную информацию, которая составляет такой труд для лексикографов, пытающихся ее эксплицировать» [Падучева, 1997, с. 20].

Литература

1. *Вежбицкая А.* Язык, культура, познание. М., 1997.
2. *Исаченко А.В.* О грамматическом значении // *Исаченко А.В.* Вопросы языкознания. М., 1961. № 1.
3. *Озерова Н.Г.* Формально-семантическое взаимодействие в морфологических категориях субстантива (на материале русского и украинского языков) : дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1987.
4. *Падучева Е.В.* Феномен Анны Вежбицкой // *Вежбицкая А.* Язык, культура, познание. М., 1997.
5. Русский язык и советское общество: Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968.